

Пазухин Алексей Михайлович

**Таинственный дом и другие
рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

- А47 **Алексей Михайлович П.**
Таинственный дом и другие рассказы / Пазухин Алексей Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 194 с.

ISBN 978-5-521-27094-1

Содержание: Таинственный дом; Николин день; Цыганский табор; Наборщик; Иван Ласун; Угар; Воскресшая радость; Первая охота; Школьные блины; Чудак; Из милого прошлого; Публика первых представлений; Домой; Первая любовь; На даче и в деревне; Ночью; Задача; По первопутке; Драматург; Неудачник; Отдается квартира; Почетный билет; Сентябрь

ISBN 978-5-521-27094-1

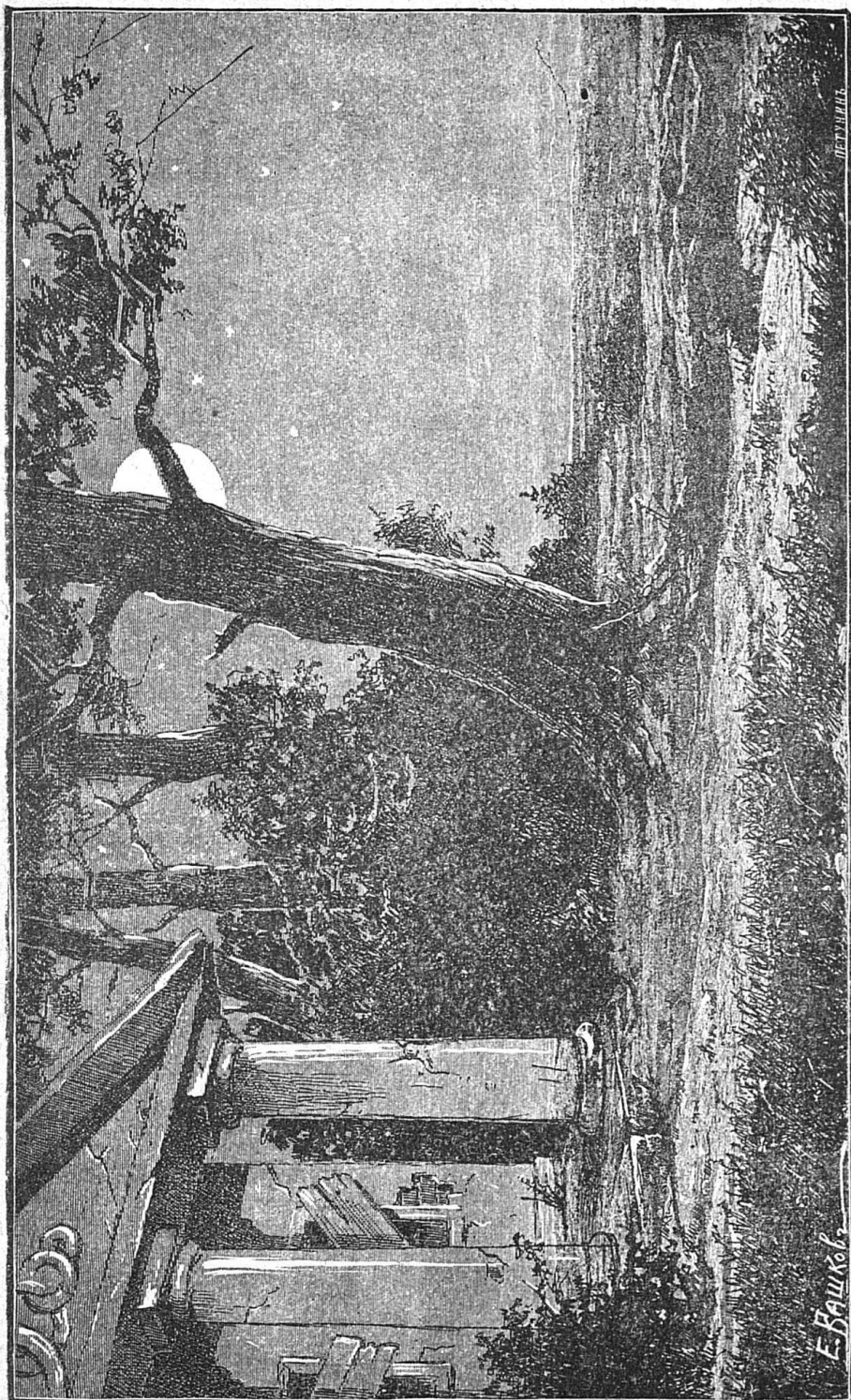
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Е. Васьков.

ПЕТУХЪ

— Умоляю тебя ѣхать!.. Если ты хоть скольконибудь любишь меня, то поѣзжай съ теткою, мнѣ это необходимо нужно!..

Просьба была убѣдительна, молодая супруга не хотѣла отказать обожаемому мужу, онъ былъ веселъ и покоенъ, а слѣдовательно и здоровъ, и она поѣхала, обѣщаясь привезти когонибудь изъ знакомыхъ къ чаю и ужину.

Заваровъ, вернувшись въ домъ, разослалъ всю прислугу подъ разными предлогами и остался совершенно одинъ, а когда посланный за какими то пустяками кухонный мужикъ вернулся, то увидалъ барина висѣвшимъ въ залѣ на крюкѣ отъ снятой люстры!..

Совершенно покойное положеніе трупa, не снятая одежда, полный деньгами бумажникъ и дорогіе часы въ карманѣ, совершенный порядокъ въ квартирѣ не позволяли и думать о грабежѣ, или какомънибудь насиліи, и ничѣмъ необъяснимая смерть Заварова была несомнѣннымъ самоубійствомъ, хотя онъ не оставилъ никакой записки, а причинъ для самоубійства не было рѣшительно никакихъ.

Объ отчаяніи и горѣ жены нечего и говорить, — она, по одной версіи, сошла съ ума, а по другой — тоже наложила на себя руки, но уже на родинѣ, — но и всѣ знакомые, и вся Москва были глубоко потрясены этимъ случаемъ. Дѣло тѣмъ не менѣе предали суду и волѣ Божіей, а домъ былъ запертъ и оставленъ до прибытія родственниковъ, которые не пожелали воспользоваться обстановкою самоубійцы, что же касается домовладѣлицы, то она почему то не велѣла никому сдавать рокового дома, приказавъ оставить его заброшеннымъ.

О причинѣ его заброшенности я ничего не знаю, но что онъ заброшенъ съ полною обстановкою, то я въ этомъ убѣдился самолично.

Да, я не досказалъ легенды...

По удостовѣренію старожиловъ, каждую ночь въ этомъ домѣ появляется тѣнь самоубійцы, бродить по всѣмъ комнатамъ, стонетъ, о чемъ то просить кого то, а затѣмъ идетъ въ залу и вѣшается на крюкъ, а домъ наполняется криками, хохотомъ, свистомъ и всѣми прочими явленіями такъ называемыми „нечистыхъ“ домовъ.

Много разъ проѣзжая и проходя мимо этого таинственного, уныніе и тоску наводящаго дома, я все собирался пробраться какъ нибудь въ него, посмотрѣть, провѣрить слова знакомыхъ, но все какъ то приходило это въ голову въ часы полнѣйшаго недосуга, а въ свободное время забывалось.

Вы, можетъ быть, дорогой читатель, подумаете, что я трусилъ? Увѣряю васъ, что нѣтъ! Я не боюсь тѣней и привидѣній, а зла ожидаю лишь отъ живыхъ людей... Наконецъ, я былъ въ этомъ домѣ и расскажу вамъ все.

Приготовьтесь къ таинственному, къ страшному немного, и если вы суевѣрны, или нервы у васъ слабы, то лучше не читайте, особенно, если дѣло происходитъ ночью...

„Другъ Горацио, на свѣтѣ много есть вещей, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ!“ говоритъ Гамлетъ, и онъ правъ.

Но по порядку.

Вышелъ я погулять послѣ работы часу въ одиннадцатомъ ночи. Не смотря на средину октября, было тепло, какъ лѣтомъ; полная луна обливала начинающій уже засыпать городъ серебристымъ свѣтомъ; на улицахъ становилось пустынно и тихо,

и лишь бульвары жили еще, откуда неслись голоса, смѣхъ, толпы молодежи шумно и весело сновали тамъ, ухаживая за прекрасными дамами. Желая уединиться, я не пошелъ по бульварамъ и очутился какъ разъ на той улицѣ, гдѣ помѣщается таинственный домъ,—мнѣ сію же минуту улыбнулась мысль пойти въ этотъ домъ, если это возможно.

Вотъ и онъ.

Луна освѣщаетъ его, играя въ окнахъ переливчатымъ свѣтомъ; вокругъ его шумѣли полуобнаженными вѣтвями старыя, сильно разросшіяся липы. Какая то фигура сидѣла на лавочкѣ у воротъ. Я подошелъ ближе и узналъ въ этой фигурѣ ночного сторожа.

— Ты сторожъ этого дома, любезный?—спросилъ я.

Сторожъ лѣнливо посмотрѣлъ на меня сонными глазами и отвѣтилъ, зѣвая:

— Нѣтути, не этого, а сусѣдскаго вотъ.. А вамъ чей домъ надѣтъ?

— Да хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть вотъ этотъ, заколдованный то... Не знаешь ты, какъ бы мнѣ устроить?

— Это не наше дѣло... Богъ съ имъ, съ домомъ этимъ, про него неладно толкуютъ,—нечистый сказываютъ...

— А почему же именно онъ нечистый?

— Не наше дѣло это, господинъ, мы не знаемъ этого...

Сторожъ поднялся и пошелъ была отъ меня, но рублевая бумажка сдѣлала его очень снисходительнымъ, разговорчивымъ и готовымъ помочь мнѣ. Ворота и калитка таинственного дома оказались заколоченными, но въ заборѣ сосѣдняго дома, порученнаго надзору сторожа, была щель,

черезъ которую свободно могъ пролѣзть человѣкъ и проникнуть во дворъ таинственнаго дома, а потомъ, черезъ окна нижняго этажа и въ самый домъ и я полѣзъ черезъ щель.

— И не страшно вамъ, баринъ? — спросилъ меня сторожъ.

Мнѣ пока не было страшно, то есть я не боялся призраковъ и блуждающихъ тѣней, но вопросъ сторожа навелъ меня на мысль о реальныхъ опасностяхъ,—кто могъ поручиться, что въ покинутомъ домѣ не нашли себѣ пріюта разныя темныя личности, которыхъ голодъ и холодъ научили быть храбрыми. У меня хотъ бы трость, а то ни, ни, ничего!.. Я высказалъ свои опасенія сторожу.

— Въ этомъ то домѣ жулики? — удивился онъ.—Да нешто они дураки?

— То есть какъ это?

— Нешто пойдетъ православный ночью въ такое мѣсто? Ни въ жисть!..

Я, рискуя показаться сторожу или дуракомъ или не православнымъ, пролѣзъ сквозь заборъ и черезъ пять минутъ входилъ по лѣстницѣ въ залу таинственнаго дома.

Сыростью и затхлостью пахнуло на меня со всѣхъ сторонъ. Сквозь запыленные шторы проникалъ свѣтъ луны очень слабо, но оказалось, что только окна на улицу были завѣшаны, а остальные, хотя и запыленные, пропускали свѣта очень достаточно, и онъ ложился широкими полосами по полу, по стѣнамъ; темныя пятна бѣжали по этимъ полосамъ, когда луна то пряталась за тучи, то снова выплывала.

Я оглядѣлся.

На всемъ легла тяжелая рука запустѣнія и разрушенія, но обстановка когда то богатаго дома сохранилась,—по стѣнамъ стояли стулья; въ простѣнкахъ едва, едва сверкали зеркала, покрытыя пылью, похожія на куски не совсѣмъ чистаго льда; тяжело висѣли драпировки на дверяхъ и окнахъ, а на стѣнахъ и окнахъ сосѣдней комнаты были видны картины, запыленные, обвитыя паутиною; какъ привидѣнія стояли по угламъ мраморныя колонны съ поставленными на нихъ когда то канделябрами, не то завѣшанными кисеею, не то покрытыми паутиною.

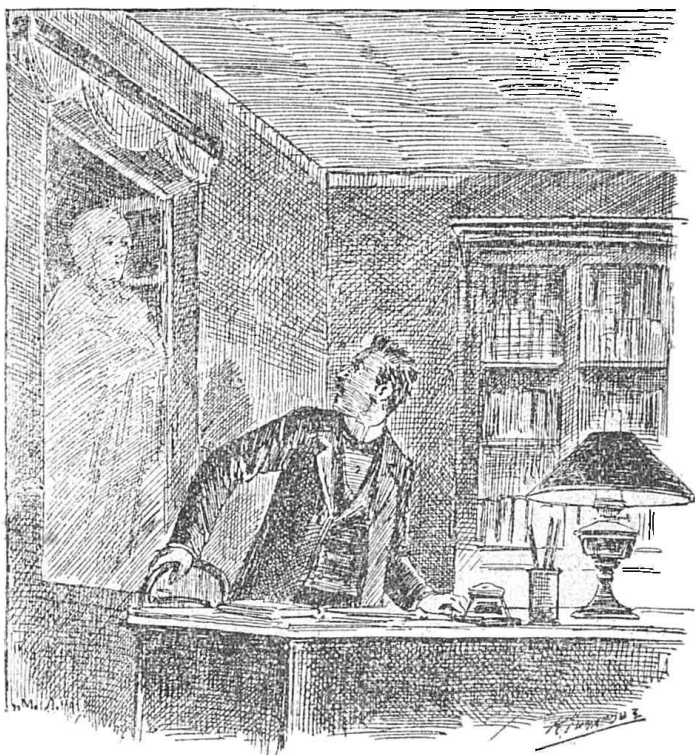
Давно покинутый домъ, съ запыленною обстановкою, съ затхlostью и съ запахомъ тлѣнія даже днемъ, даже безъ всякой легенды наводитъ какую то „жутъ“, по выраженію народа, а я рассказываю вамъ про ночь, про домъ съ такимъ мрачнымъ и страшнымъ прошлымъ,—каюсь, что я побранилъ себя за рѣшеніе предпринять эту экскурсію и собрался благополучно уйти, но какая то невѣдомая сила приковала меня къ мѣсту, та сила, которая заставляетъ васъ непременно взглянуть на путающій васъ предметъ, въ темный уголъ комнаты, который внушаетъ вамъ ужасъ.

Я остался и присѣлъ на подоконникъ.

Въ гостиной съ потолка спускалась та паукообразная люстра, о которой я говорилъ выше. Люстра эта навела меня на мысль о той снятой въ залѣ люстрѣ, на крюкъ которой повѣсился несчастный молодой человѣкъ. Я поднялъ глаза и увидалъ этотъ страшный крюкъ; обрывокъ веревки спускался отъ него и, — показалось ли мнѣ это, было ли то отъ врывающагося откуда нибудь воздуха, — медленно раскачивался, такъ, какъ раска-

чивается маятникъ стѣнныхъ часовъ. Это медленное покачиваніе веревки удушлика было ужасно; я почувствовалъ, что волосы у меня зашевелились подъ шляпою...

Тишина была мертвая, та тишина, которая бываетъ только въ пустой церкви да въ лѣсу зимою,—ни звука, то есть ни единого живаго, такъ сказать, звука, звука реального,—звука, къ которымъ мы привыкли и которые слышимъ постоянно, но за то эта мертвая тишина была полна чѣмъ то таинственнымъ.

Не помню сколько времени сидѣлъ я поглащенный мрачной таинственностью окружающей обстановки, какъ вдругъ какой-то странный звукъ поразилъ мой слухъ... Я подумалъ, что мнѣ показалось, но повторился еще и еще, все яснѣй;

онъ сталъ членораздѣльнымъ и я ясно могъ слышать: Ая, Ая, раздавалось въ воздухѣ.

Совсѣмъ голубой лучъ луны скользнулъ въ этотъ моментъ по стѣнѣ, заколебался, исчезъ, и вдругъ легкая прозрачная тѣнь, какъ столбъ тумана надъ рѣкою, пронеслась по комнатѣ и исчезла въ гостиной; хрустальные подвѣски на гостиной люстрѣ тихо зазвенѣли, какъ маленькіе серебряные колокольчики.

— Ая, Ая! — сильнѣе звучалъ голосъ. — Ая, Ая, Ая!...

Вдругъ позади меня, по стеклу того окна, на которомъ я сидѣлъ, кто то сталъ водить пальцемъ, извлекая тотъ, знакомый всѣмъ, скрипящій и звенящій звукъ, который получается отъ тренія по стеклу слегка влажнымъ пальцемъ.

Окна таинственнаго дома отстоятъ отъ земли на такомъ разстояніи, что человѣку и самага высокаго роста не достать до нихъ рукою, а окно это выходило на дворъ и подъ нимъ не было ни карниза, ни какой-либо подставки, — я хорошо замѣтилъ это.

Кто-же могъ водить пальцемъ по стеклу и что это за стоны и тѣнь? Сознаюсь, я былъ глубоко взволнованъ и не зналъ, что подумать...

Снова воцарилось молчаніе. Я по немногу началъ приходить въ себя и успокаиваться. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не могли мнѣ мрачно настроенному подъ вліяніемъ мрачныхъ комнатъ и связанныхъ съ ними разсказовъ послышаться эти звуки эти стоны и показаться тѣнь. Я всталъ съ подоконника и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, и вынулъ портсигаръ, чтобы закурить папироску. Вспыхнувшая спичка ярко освѣтила все кругомъ, и мой взглядъ невольно упалъ на стѣну, гдѣ я замѣтилъ какія-то полу-стертыя отъ времени сло-

ва. Я поднесъ спичку къ стѣнѣ, не безъ труда разбирая написанное... Вдругъ я вздрогнулъ и выронилъ спичку: то что я прочиталъ показалось мнѣ невѣроятнымъ. Я зажегъ вторую спичку уже совершенно ясно разобралъ:

— Ая, милая моя, дорогая Ая, какъ я тебя люблю!

Эта надпись и тѣ звуки, что это значило?..

Я быстро спустился во дворъ и нехотя отвѣчая на разспросы сторожа пошелъ домой, подавленный всѣмъ что увидалъ услышалъ въ заброшенномъ домѣ...

Кто же могъ водить пальцемъ и кому стѣнѣ гостинной написанную карандашемъ такую фразу: „Ая, милая моя, дорогая Ая, какъ я тебя люблю!“

Что это такое?

